ВВЕДЕНИЕ

Коллективный труд «Достоевский и XX век» создавался совместными усилиями ученых России, Украины, Молдовы, Чехии, США, Венгрии, Швейцарии, Франции, Италии, Японии, Китая, Мексики.

Авторский коллектив подходит к проблеме, заявленной в заглавии, исследуя влияние творчества Достоевского на культуру в целом (проявившееся во влиянии на искусство, литературу, философию, науку о литературе, более того — во влиянии на картину мира человека XX века, в каком-то смысле — на сам тип европейского человека XX века, о чем пишет П.Е. Фокин в статье «Чудо Достоевского в XX веке»), а не сюжетные и технические заимствования, и не зависимые и независимые схождения, акцентируемые сравнительным анализом. Исследуется Достоевский, как он *пророс* в жизни XX века, в судьбах и творчестве писателей и поэтов, философов и литературоведов в России и в мире. В сущности, при таком подходе, Достоевский понимается через XX век, но и XX век понимается через личность и творчество Достоевского. Рефлексия над творчеством Достоевского начинает прочитываться как свидетельство о самом рефлектирующем, и, может быть, только Достоевский и оказывается адекватен по масштабу такому рефлектирующему, как XX век в целом.

Актуальность такого исследования на рубеже тысячелетий очевидна. Но и более того — Достоевский — та фигура, в которой, как в фокусе собираются лучи прошлого и будущего, через изучение творчества Достоевского могут быть осмыслены не только итоги — но и перспективы человечества (именно в таком ракурсе рассматривался Достоевский на международном симпозиуме по изучению творчества Достоевского в Японии, в 2000 г.). Андрей Белый, например, следующим образом видел отношение Достоевского с культурой как таковой: «С культуры следует начинать, с кризиса ее, ибо кризис культуры и есть факт появления на мировой арене личности Достоевского и образов его героев». Если вспомнить, что слово «кризис» (греч.) означает «суд», то явление Достоевского, следуя мысли Белого, есть суд предшествующей культуры, суд, растянувшийся на весь XX век, но одновременно и первое откровение, предвестие того нового, что должно возникнуть по завершении суда. Как пишет в своей статье «Христианская антропология Достоевского и современный мир» Б.Н. Тарасов, о Достоевском можно сказать словами Гоголя о передовом человеке: «Передовыми людьми можно назвать только тех, которые именно видят все то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и, опершись на сумму всего, видят все то, чего не видят другие».

В то время, как правительство России чуть ли не национальной задачей объявляет поиск «национальной идеи», интеллектуалы других стран давно связывают на-

циональную идею России с философскими и художественными открытиями Достоевского, более того — связывают с этими открытиями движущую идею всего человечества.

В труде разрабатываются следующие направления[1]:

Достоевский и русский «рубеж веков». Произведения Достоевского, чутко и часто интуитивно очень верно воспринимавшиеся читателями-современниками, при жизни Достоевского не получили сколько-нибудь адекватного *печатного* критического отклика. Можно сказать, что освоение наследия Достоевского критикой и литературоведением было начато на рубеже веков, и, пожалуй, остается открытым вопрос: религиозно-философский подход к исследованию произведений Достоевского был порожден соответствующим движением и направлением мысли «конца века», или, напротив, пристальное чтение Достоевского спровоцировало зарождение и расцвет русской религиозной философии. Если вспомнить определение А.З. Штейнберга: «Достоевский — национальный философ России»; если принять его положение, гласящее, что русское мировидение и миропонимание впервые сложилось у Достоевского в *систему*, и что этого долгое время не замечали лишь потому, что *система* русской философии оказалась выраженной в формах, совсем не похожих на те, в которых выражали себя европейские национальные философские системы (тоже, надо заметить, существовавшие в весьма разнообразных формах), ответ на поставленный вопрос скорее будет заключаться в принятии второго — вовсе не очевидного для современных исследователей — тезиса. Несмотря на то, что участники труда (А.Г. Гачева) демонстрируют напряженное биение философской мысли в писаниях ряда современников и предшественников Достоевского, он все же оказывается наиболее читаемым, усваиваемым и главное — озадачивающим (то есть — задающим философские задачи) ищущую молодежь рубежа веков. Как буквально вся философская элита России откликается на его «загадку», заключенную в словах «мир спасет красота», показывается и анализируется в исследовании Е.Г. Новиковой «“Мир спасет красота” Ф.М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX вв.».

Достоевский не только «открывал» темы для русской философии, не только разрешал философские задачи гораздо прямее, понимал религиозные положения ортодоксальнее своих последователей «рубежа веков», он, кажется, предвидел, выразил и изобразил и все возможные философские уклонения от путей истины, и многие из этих уклонений были «разработаны» в трудах русских философов рубежа веков.

Эти описанные Достоевским уклонения зачастую приписывались богословами XX века самому автору, что, в частности, было связано с процессом публикации его черновых записей. Публикация того, что к печати не предполагалось, чрезвычайно способствовала распространению мнения о непоследовательности Достоевского, о его противоречивости, о его «неортодоксальности». Такого рода публикация даже психологически способна сбивать исследователей с толку, так как печатный текст создает иллюзию того, что это (то, что мы читаем) именно так и было написано, да еще от лица самого Достоевского. Но, не говоря уже об ошибках расшифровки, даже расположение текста на странице рукописи, как правило, неадекватно тому, которое предстает перед нами на типографском листе, что способно очень серьезно изменять смысл записи. Кроме того, необходимо иметь в виду, каким образом вообще делаются *заметки*: одно слово, причем слово оппонента, может послужить за-

меткой, из которой потом по памяти разворачивается диалог; причем диалог, который заметке — особенно если принять ее как высказывание самого записывающего — по смыслу вовсе не адекватен. По крайней мере, некоторые записи, приводимые как доказательство «противоречивости» и «неортодоксальности» взглядов Достоевского, с очевидностью носят именно такой характер. Дискуссионные вопросы интерпретации христианского мировоззрения Достоевского в свете работ В.В. Зеньковского рассматриваются в одноименной статье Б.Н. Тихомирова.

Достоевский не только предугадывал возникновение собственно идей и пути их искажений, то есть предлагал своим ближайшим потомкам не только темы и формулы их развития. Сама форма романов Достоевского, названная М.М. Бахтиным «полифонической», становится источником важных открытий русской философии. Исследование о. Михаила Аксенова Меерсона «Рождение Философии из Духа Литературы на сцене русского персонализма» показывает, как из *художественного мира* романов Достоевского, из мира открытых друг другу сознаний *равноправных субъектов*, рождается философия русского персонализма.

Достоевский повернул зрение эпохи. Современники его (особенно — ровесники) зачастую воспринимали его видение мира как своего рода «извращение». Потомки на рубеже XIX–XX веков уже рождались с иным («достоевским») зрением и прежнее зрение воспринималось ими как узкое и поверхностное, плоскостное, прежний взгляд на мир стал прежде всего непроходимо скучен. Достоевский научил их (многих) видеть сквозь пленку внешних событий — существо бытия. При этом — поскольку они восторженно ринулись к существу бытия, слишком мало, зачастую, уделяя внимания его конкретному воплощению — стало казаться, что истощилась сама эта пленка, стала прозрачной. А тем, кто рождался по-прежнему с взглядом, нацеленным на поверхность, стало казаться, что они кощунственно или шутовски разламывают вещи и явления, что они разрушают себя и мир. И в этом взгляде была своя правда, ибо не только к существу мимо существования устремились первопроходцы символизма, но и — заплутав на этих вечно первопроходных путях (не теряющих этого качества, сколькие бы по ним ни проходили) — многие бросились к «небытийственной бездне» миража и фантазии, увлеченные тенями, фантомами, предпочетшие их бытию. Об удивительном событии *явления Достоевского в центре новой культурной эпохи, начавшейся через пятнадцать лет после его смерти*, о причинах этого явления, о функционировании образов Достоевского в культуре «рубежа веков», в поэтике произведений «серебряного века» и, в частности, в поэме «Двенадцать» А.А. Блока пишу я в своей статье «Феномен “Ф.М. Достоевский и рубеж XIX–XX веков”». О претворении символистами и «декадентами» русской литературы XIX века в «новую мифологию» — то есть в новые онтологические основания, воспроизводимые в сюжетах художественных произведений рубежа XIX–XX веков, или, говоря иным языком, в новый культурный код, и об особой роли в этом процессе творчества Ф.М. Достоевского пишет в статье «Преступление без наказания: наследие Ф.М. Достоевского в неомифологии Ф. Сологуба» А.Н. Долгенко. Творческой интерпретации Ф. Сологубом наследия Достоевского посвящена и статья И.В. Пантелей «Роман Федора Сологуба “Творимая легенда” и “классические мениппеи” Достоевского». П.Е. Фокин в статье «Достоевский и М. Цветаева: к вопросу о судьбах “реализма в высшем смысле” в XX веке» представляет Марину Цветаеву наследницей творческого метода Ф.М. Достоевского.

Идеи Достоевского в XX в. Не секрет, что XX век оказался гораздо восприимчивее к идеям героев Достоевского, чем к идеям самого писателя. На уровне разработки западными интеллектуалами философских и художественных систем (от Ницше до французских экзистенциалистов) сказанное — не более чем банальность. Но даже сама «полифоническая» художественная форма, воспринимавшаяся иногда в конце XX века едва ли не как прообраз плюрализма (понимаемого как глобальная система сосуществования разноприродных идей в едином мировом ментальном пространстве, организованная принципом дополнительности), в таком виде (то есть как прообраз плюрализма) существует не у самого Достоевского, но у его повествователей, хроникеров — фигур, *заведомо менее информированных*, чем участники событий и идеологи романов Достоевского, и потому не могущих представить ни оценок, ни иерархии голосов и идей, но лишь предоставить своим повествованием то общее пространство, где все эти идеи могли бы прозвучать. Однако Достоевский — мастер именно *диалога* идей, а что *разорванные монологи* вовсе не составят диалога — блистательно доказал А.П. Чехов. Полноценное, не редуцированное, тщательно и даже изощренно аргументированное высказывание (даже сделанное с полной убежденностью) вовсе не всегда будет истинно, более того, оно (в случае его ложности) не может быть даже названо высказывающимся «своей правдой», потому что, как показывает Достоевский, что-то внутри самого мыслителя отказывается верифицировать его же изощренные доказательства, происходит личностный слом — и происходит он именно потому, что есть общая правда для человечества, более того, в *каждом* есть неуничтожимое до какого-то последнего предела чувство, позволяющее эту правду отличить от сколько угодно доказательной лжи. XX век, пробуйствовав большую часть времени с героями Достоевского, остановился на уровне хроникеров его романов, дело XXI — услышать самого автора. О новых подходах к изучению творчества Достоевского на рубеже XX–XXI веков свидетельствует подготовленный параллельно основному труду том «Достоевский. Дополнения к комментарию» (М.: Наука, 2005) (особенно раздел «“Преступление и наказание”: некоторые итоги и новые проблемы комментирования романа на рубеже XX–XXI веков», включающий статьи и дополнения к комментарию Б.Н. Тихомирова, Г.Л. Боград, А.Л. Гумеровой, А.Г. Слесарева, Т. Бузиной, Л. Ивановой и мои); о новых подходах к проблеме творческого метода Достоевского и о проблеме авторской позиции в его произведениях говорится в публикации материалов проведенного в рамках проекта «Достоевский и XX век» круглого стола «Проблема “реализма в высшем смысле” в творчестве Ф.М. Достоевского» (альманах «Достоевский и мировая культура». № 20. СПб.; М., 2004).

Художественные открытия Достоевского в XX в. Сказанное выше о постижении идей Достоевского относится и к пониманию его художественных открытий. XX век разрабатывал «полифонию» Достоевского как высшее художественное достижение, подхваченное сознательно многими авторами и обнаруженное исследователями даже у тех авторов, которые сами об этом не подозревали. «Многоголосье», «свобода героя от автора» зачастую превращали полифонию в какофонию, что и буквально было не только выражено, но и декларировано во многих новых и новейших течениях искусства XX века. Однако полифония — это не безудерж и распутство звуков, разноголосица голосов, до такой степени обособившихся, что ничего не слышат и не примечают в мире, кроме ведомой ими маленькой темки, но строй и

соответствие, ответ друг другу, иерархия, выдержанная последовательно и до конца. Истинный творческий метод Достоевского — «реализм в высшем смысле», как он сам его определяет, не был *осмыслен* XX веком (хотя был, казалось бы, подробно осмыслен и описан «рубежом веков»), Вяч. Иванов был *перебит* Бахтиным, и нужно было бы понять, почему это оказалось возможным (и даже, кажется, неизбежным). О судьбах «реализма в высшем смысле» в литературе XX века, а также об открывающемся по-новому смысле бахтинского «диалога» говорят в своих работах К.А. Степанян («"Реализм в высшем смысле" и XX век») и Ф.Б. Тарасов («Бахтинская концепция диалогизма Достоевского в свете евангельских основ творчества писателя»). Впрочем, о «реализме в высшем смысле» и о наследниках метода в XX веке идет разговор и во многих статьях труда, посвященных творчеству отдельных писателей и поэтов, как русских, так и зарубежных.

Достоевский в судьбах людей XX в. В судьбах многих людей XX века роль Достоевского оказалась едва ли не определяющей. В России XX в. Достоевский буквально был апостолом, в годы, когда люди уже *поколениями* были оторваны от Церкви, приводившим их к Богу. Как Достоевский отразился в судьбе и творчестве таких совсем разных людей, как Бахтин и Набоков, Солженицын, в судьбе своих прямых и непрямых потомков Достоевских в XX веке? Какое место отводят Достоевскому в формировании своих мировоззрений, в выборе своих жизненных ориентиров сегодняшние школьники, студенты, аспиранты? Люди других национальностей, других культур?

Эти проблемы отражены в разных статьях труда, по формальным признакам помещаемых в разные тома, но наиболее очевидно — в работах С.Г. Бочарова «Достоевский у Бахтина (Бахтин-филолог)», Л.И. Сараскиной «"Могут наступить великие факты..." Уроки Достоевского в творческой судьбе Солженицына», Р.Я. Клейман «Достоевский в творческой интерпретации Иосифа Бродского: эхо преемственности», Жана-Филиппа Жаккара «Наказание без преступления: Хармс и Достоевский», блоке работ, посвященных Достоевскому в жизни и творчестве Набокова (Б.Н. Тихомиров «Христос Достоевского versus Христос Набокова»; Е.Г. Новикова «В.В. Набоков и Ф.М. Достоевский: дискурс "личного отчаяния"»; О. Меерсон «Набоков — апологет: защита Лужина или защита Достоевского?»), в фундаментальном исследовании Л.В. Сыроватко «Достоевский глазами молодого поколения русской эмиграции».

Особое место занимает в труде написанная правнуком Ф.М. Достоевского Дмитрием Андреевичем Достоевским история рода Достоевских в XX веке. Это и исследование, проводившееся по практически недоступным для исследователей, не принадлежащих к роду Достоевских, источникам (в том числе — по семейным преданиям), это и человеческий документ. Работа сопровождается фотоальбомом, подготовленным Натальей Шварц, состоящим из 62 фотографий потомков и ближайших родственников Ф.М. Достоевского, их мест жительства и мест упокоения; многие из фотографий публикуются впервые.

Об украинских родственниках Достоевского в XIX и XX веке пишет в своей статье «"Кровь" Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя» Н.Н. Богданов.

Ряд статей посвящен творчеству и личности Достоевского в судьбах русской эмиграции. Это и обзорные статьи (А.Г. Гачева «В поисках нового синтеза: духов-

ное наследие Ф.М. Достоевского и пореволюционные течения русской эмиграции», Л.В. Сыроватко «Достоевский глазами молодого поколения русской эмиграции»); это и персоналии (И.В. Пантелей «Как бы назло ему... (На подступах к теме "Достоевский и Нина Берберова")»; Жервез Тассис «Достоевский глазами Алданова»).

История изданий Достоевского в России в XX в. Воспоминания тех, кто *издавал Достоевского в XX веке, прежде всего — комментаторов академического Собрания* сочинений, отражены в статье А.В. Архиповой «Как мы издавали академического Достоевского». Проблемы, встающие перед теми, кто издает Достоевского теперь, в том числе, проблемы смены орфографии, проблемы вторжений в авторскую пунктуацию, освещены в работе Н.А. Тарасовой «Современные проблемы текстологического анализа рукописей Достоевского».

Достоевский в национальных культурах и «национальных литературоведениях». В задачу работ, представленных в этом разделе, входили, прежде всего, библиография и обзор. Но предполагалось, насколько хватит сил у участников труда — произвести и анализ процессов, происходивших в каждой национальной культуре при «внедрении» туда текстов Достоевского. Приятие и неприятие, выборы и предпочтения данной культурной традиции (здесь было бы интересно подсчитать и сравнить просто количество переводов того или иного произведения на тот или иной язык): аллюзии в литературных текстах, постановки, обработки и т. д. Главные темы национального литературоведения, разрабатываемые применительно к творчеству Достоевского. Анализ итогов *национального* сравнительного литературоведения (т. е., например, кого именно среди *немецких* писателей сравнивают с Достоевским литературоведы-*немцы* и по каким основаниям). И т. д. Не все задачи были выполнены, но этого и нельзя было ожидать. В раздел входят работы Т. Бузиной «Достоевский в американской культуре и литературоведении», Т.Л. Морозовой «Достоевский и принцип многоголосия в XX веке: американский контекст»; И.В. Пантелей «Достоевский и его французские читатели»; А.Б. Кузнецовой «Филипп Жакоте: ответ Достоевскому» (представляющей собой замечательный анализ произведений французского поэта XX века с точки зрения их конгениальности Достоевскому по методу («реализм в высшем смысле») и глубинной проблематике); А.Б. Криницына «Достоевский в Германии»; Милуши Бубениковой «Достоевский в Чехии»; Флореса Лопеса Хосе Луиса «Достоевский, Октавио Пас и латиноамериканские писатели»; Тоёфуса Киносита «Ф.М. Достоевский и японская литература до и после Второй мировой войны. "Школа Достоевского": писатели Р. Сиина, Т. Такэда и Ю. Хания»; Гинга Кобаяси «Религиозное сознание японцев и Достоевский. Попытка подхода к теме "Восприятие Достоевского в Японии"»; Дзюнко Като «Причинно-следственные связи в мире Достоевского в сопоставлении с японским понятием "эн"»; Чжан Бянь Гэ «Восприятие Достоевского в Китае»; Каталин Кроо «Исторический обзор венгерской достоевистики в литературоведческой русистике в Университете им. Этвеша Лоранда в Будапеште. "Нашими глазами"» (автопрезентация одной из серьезных литературоведческих школ, наследующей русскому структурализму); Клаудиа Оливьери «Достоевский в Италии. Столетие критической мысли».

О телевизионных и театральных постановках произведений Ф.М. Достоевского на рубеже XX–XXI веков пишут Л.И. Сараскина в статье «Проверка на бессмертие (Достоевский в кинематографе и на театре)», Милуша Бубеникова в статье о Достоевском в Чехии.

Об интерпретации биографии и творчества писателя в школьных и вузовских учебниках литературы и истории советского периода говорят Е.Р. Пономарев в статье «Ф.М. Достоевский в советской школе» и Н.Н. Подосокорский в статье «Достоевский и его творчество в современных российских учебниках истории».

Татьяна Касаткина

Все цитаты из произведений Достоевского, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по Полному собранию сочинений в 30 томах (Л., Наука, 1972–1990). Том и страница указываются в скобках после цитаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] При этом в одной статье могут затрагиваться несколько направлений труда, поэтому указанные направления не стали рубриками оглавления.